

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Смертельный номер

Как изменился маршрут героини поэта и эссеиста Марии Степановой, прославившейся книгой «Памяти памяти»

12:27, 3 октября 2024,

Ольга Тимофеева

Редактор отдела культуры

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Обложка книги Марии Степановой «Фокус». Источник: соцсети

Все дело в фокусе, сквозь который автор смотрит на случившуюся с нами жизнь.

«Выходишь, пошла-встала, поклон налево, поклон, направо, постояла, подошла, ноги сразу подтянула, лежишь, улыбаешься. Заслоночки поставлю, барабанный бой, ты собралась, держишь ноги, держишь шею, делаем трюк, тыр-рр! Ты лежишь, улыбаешься, держишь шею. Саркофаг встает на попа, ты сразу ноги вниз, распрямилась, крышка отошла, улыбаешься, ручкой помахала, все, укатили тебя».

Распиливание женщины — один из самых известных цирковых фокусов, который каждый видел хоть раз в жизни. Писательнице М., героине новой книги Марии Степановой, приходится делиться надвое по воле автора, а автору — по воле зверя, «внутри которого она жила, а может быть, в нем и родилась», разделившего ее жизнь на до и после. И если героине надвое «распилили» тело, то автору — душу, и не понарошку, а так глубоко, что половинки не срастаются.

В своей небольшой повести, или большом рассказе, или коротком романе (жанр каждый выберет сам)

Мария Степанова сфокусировала и заострила мучительные переживания, что обрушились на тех, кто не захотел стать пищей зверя, жадно пожирающего жизни людей в своей и соседней стране.

Мария Степанова. Фото: соцсети

Ее героиня, «писательница М.», покинула оскверненную родину и осела в европейском городе Б, где собралось довольно много ее соотечественников. Можно предположить, что речь идет о Берлине, но это не важно, имена и названия здесь не имеют значения. Где бы ни приземлились сдернутые с места люди, им везде предъявят общий счет: почему они не приняли жесткие меры задолго до того, как зверь «подрос и стал поедать всех подряд». Этот вопрос мучает и писательницу М. Она и раньше пыталась анализировать повадки и намерения зверя, но отвлекалась на чужие истории, которые собирала «как марки, пытаясь расположить их на бумаге единственным правильным способом», теперь же «любая мысль или воспоминание быстро и неизменно приводили М. к мысли о звере и его устройстве». Аллегории, аллюзии, ассоциации, пересказы, скрытые и явные цитаты из прочитанного мастерски вплетаются в нарочито сухое повествование, стиснутое неудобством говорить на родном языке: «Вопрос о языке, вопрос языка, больше не имел

сносного ответа; чтобы его избежать, приходилось теперь пользоваться английским, который казался нейтральным, спасительно гигиеничным — а если у кого-то к нему возникали вопросы, они хотя бы не имели отношения к зверю, о котором люди из страны, откуда приехала М., и те, кто жил в соседних государствах, думали постоянно».

Стилистически эта проза безупречна.

Под покровом угрюмой интонации бьются сильные чувства, загоняющие кого в депрессию, кого — в другую жизнь.

От депрессии спасает работа, забота о других устремляет к будущему, но у писательницы М. нет ни работы, ни других. Ее лишь по старой памяти зовут на книжные фестивали, где собираются те, кто «любит и понимает буквы, расставленные на бумаге в нужном порядке». На один из таких она и едет, однако дорожные неурядицы мешают ей добраться до читателей, которые хотели бы расспросить ее про книжки. И в этом она видит символичность — какая она теперь писательница, если у нее язык не поворачивается даже говорить на этом «гибком, выворотном, почти всемогущем» языке! Попав в железнодорожную забастовку, героиня застревает в маленьком городке — с разрядившимся телефоном и неукротимой тягой выпасть из себя прежней. И это еще одно из разламывающих состояний, которое обрушила на людей непрошенная эмиграция: «ей хотелось понять, что она теперь есть и что хотела бы с собой сделать — во что, если угодно, превратиться, потому что быть прежней собой она уже разучилась».

Героиня Степановой выбирает радикальный путь: из писательницы превратиться в циркачку. Преодолевая

врожденную замкнутость, она вмешивается в разговор двух фокусниц, который заканчивается предложением на ближайшем представлении «разрезать» ее пополам. Новые знакомые деловито готовят ее к выступлению, и оно удается на славу. Смутные мысли о жизни, напрочь непохожей на прежнюю, начинают витать в голове героини. Они наверняка отличаются от упоманий тех, кого также настиг вопрос, как жить дальше: в чужом ли мире, в своей ли стране, очищенной от скверны; приняв на себя ответственность за живучесть зверя или отказавшись от вины в поташках его кровожадности.

Вопросение «кто виноват и что делать» приобретает сейчас не метафизическое, а сиюминутное звучание.

Новые знакомицы писательницы М. не лезут в душу, да и разговор на неродном для всех английском откровений не предполагает. Оторопь перед силой судьбы у всех общая, а вот желание переменить участь каждый переживает по-своему. Для героини новая жизнь засияла цирковыми огнями, однако бродячий цирк снимается с места, ее не дождавшись. «Новое посмертное существование», когда ты превращаешься в другого, не состоялось: похоже, автор не очень верит в то, что себя можно переделать, а свое предназначение перечеркнуть. Не случайно заинтересовавший М. герой, «человек с заколками», видит в ней, к ее огорчению, не привлекательную женщину, а писателя, чьи книги читал.

В «Фокусе» вообще нет ничего случайного. Практически любая цитата из книги наведет на мысли, не только мучащие уехавших, но и не дающие покоя оставшимся.

В ее пространстве разлито достоверное ощущение растерянности, «какая возникает там, где тебя никто не ждал, а ты все не

уходишь». А куда идти, когда дома нет, отваги нет, новой жизни не разглядеть?

Героиня пробует убежать от себя, отказаться от языка, от беспокойных вопросов, примеряет на себя чужой костюм из закромов цирка, меняет инициал с М. на А. Однако сюжет обрывается на том, что на пустыре, оставленном шапито, она выковыривает из банки с окурками бычок подлиннее и достает из кармана зажигалку: «оказывается, не со всем в своей жизни она успела расстаться, и в данный момент это было не так уж плохо». Последняя фраза «возможно, караван все же подождал их за углом» лишь утверждает зыбкость нашего существования. Но в повествовании есть и оптимистическое высказывание: «Если она что и вынесла из опыта последнего года, это уверенность в том, что двигаться надо только вперед».

Купить книгу «Фокус» можно

- в [телеграмм-магазине](#) «Для дорогих людей»,
- на [OZON](#) с доставкой по России и СНГ.

РЕКЛАМА

ЗАКАЗЧИК: ООО «Новые продажи». ERID: F7NfYUJCUnelU1tUnVy2

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Биология добра и зла

Об одноименной книге Роберта Сапольски

11:58, 20 августа 2024, Виктория Артемьева